

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 54 (4020)

Четверг, 7 мая 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Уже совсем немного времени отделяет нас от дня открытия III Всесоюзного съезда писателей. В сегодняшнем номере редакция продолжает публиковать высказывания советских людей о проблемах нашей литературы, о том, чего они ждут от съезда.

ЧЕГО МЫ ЖДЕМ ОТ СЪЕЗДА?

ПРОТИВ ШТАМПА

МЕНЯ, пожилого ученого, отдавшего науке свыше полвека своей жизни, раньше интересовало, и особенно сейчас очень интересует, как наши писатели изображают ученых — творцов крупнейших теоретических и практических достижений в различных областях науки и техники.

Мне представляется, что эта тема чрезвычайно актуальна и интересна, ибо в настоящее время творческая научная мысль в стране развивается особенно интенсивно. Современная наука проникает буквально всюду — в политическую, экономическую и культурную жизнь человека, она теснейшим образом связана с судьбой каждого коллектива, каждой семьи, каждого человека.

Перед писателями раскрывается необятный простор для интересной, благородной, но крайне трудной и ответственной работы. Надо глубоко вникать в «душ» советских ученых, анализировать динамику их творческих дерзаний, реалистически изображать тонкие нюансы психологических переживаний, связанных с чередованием успехов и неудач — обычных спутников научного труда.

Поставим прямой вопрос: как в недавнем прошлом изображались ученые в литературе? С моей точки зрения, часто в крайне искаженном виде.

В самом деле, работники науки, в особенности старые ученые, выглядели во многих произведениях этакими наивными, рассеянными, жалкими, часто беспомощными, оторванными от действительности «чудачками», людьми, как говорится, не от мира сего, углубленными только в свою узкую специальность. Если раньше такие индивидуумы хотя и редко, но все же встречались, подтверждая пословицу «в семье не без урода», то такая характеристика современного советского ученого не то что глубокого извращения или шарж, а нелепая карикатура.

«Чудак» среди литературных героев становится все меньше, но жизнь передовых ученых литераторов часто показывается еще недостаточно точно — в психологическом отношении, поверхностно.

Мое пожелание советским писателям: глубже изучите жизнь и творческую деятельность наших ученых! Ваши реалистические произведения окажут огромное воспитательное влияние на молодое, подрастающее поколение.

Академик К. СКРЯВИН,
Герой Социалистического Труда

СПОР ИЛИ БЕГ НА МЕСТЕ?

НА ПЕРВОМ съезде писателей РСФСР обсуждался важный вопрос об изображении современности и нашего современника. Эта задача вбирает, в сущности, все задачи, стоящие перед советской литературой.

Как лучше ее решить? В «Литературной газете» за последний период велись не только остроты и не очень энергичные споры о мастерстве. Сколько-нибудь существенных расхождений на этот счет нет. Критики слегка задают друг друга, отмечая неточные или небрежные формулировки, — это не очень увлекает и не очень волнует литературную общественность. Стоит ли делать вид, что люди серьезно спорят? Выяснить идеальные расхождения там, где их нет, конечно, не нужно. Но это совсем не означает, что нам не о чем вообще спорить. У читателя в биходе

много книг. И часто попадаются рыхлаые, непомерно длинные произведения. Важное перемешивается с пустяковым. Язык, что называется, «средний» — сглаженный, невыразительный. Вот взял бы крупный мастер такое произведение да и разобрал его публично, как это делал Горький. Это принесло бы немалую пользу и молодым писателям, и читателям, любящим нашу литературу.

Кстати, о молодых говорится много, но больше — в плане общих призывов. А как идет работа с ними? Как вовлекают в литературу новые силы, как они овладевают мастерством? Это тоже следовало бы обсудить на съезде писателей.

В. ОРЕХОВ,
секретарь редакции многоотраслевой «Транспорт»

СТАЛИНГРАД

ДЛЯ ВСЕСОЮЗНОГО ЧИТАТЕЛЯ

Т. О ЧЕМ мы сегодня пишем, — дело сугубо практическое, но нам кажется, что в задачи приближающегося съезда входит не только обсуждение общих, но и решение многих практических вопросов.

Никогда еще литовские писатели не говорили с такой большой аудиторией, как в советское время. Переводы на русский язык открыли литовским писателям широкий путь не только к советскому, но и к зарубежному читателю.

Радуется, что количество переводов растет из года в год. Русский читатель получил возможность познакомиться с классической поэзией К. Донелайтиса «Времена года», с произведениями литовских классиков Страздаса, А. Баранускаса, Ю. Жемайтиса. Еще больше переведено произведений литовских советских писателей.

Но здесь хочется сказать и о больших проблемах, об известной случайности в отборе произведений.

Так, например, слабо представлена поэзия С. Нерис; странно, что в последнее время она вообще издается очень редко, реже, чем в первые послевоенные годы.

Э. Межелайтиса русский читатель знает по его ранним произведениям, по книге стихов «Мой соловей» и «Братской поэме», но почти нет переводов интересной лирики Э. Межелайтиса последних лет, отличающейся большой глубиной и эмоциональностью. Мало знаком русский читатель с таким талантливым поэтом, как Ю. Марцинквичюс. Надо подумать о переводе стихов А. Йонинаса, П. Ширасиса...

Почему-то на книжной полке литовской литературы на русском языке до сих пор мы не видим произведений лауреатов республиканских премий (Ю. Балтушиса «Проданные лета», Е. Симоняйтиса «Билос Каралюс», В. Миколойтиса-Путинаса «Повстанцы»). Молодые наши писатели тоже заслуживают большего внимания переводчиков и издателей.

Ясно, что литовская литература взята нами лишь как пример. О планомерном, продуманном выпуске произведений писателей народов СССР съезд должен, по нашему мнению, принять четкие решения во всеобщем масштабе.

Д. ЮДЕЛЯВИЧУС,
старший преподаватель Вильнюсского педагогического института

Г. ГРИГЕНИЕНЕ,
зав. учебной частью средней школы № 16 г. Вильнюса

И. ВЕЙСАЛТЕ,
старший преподаватель Вильнюсского педагогического института

ГОЛОС СОВЕТСКОГО РАДИО

В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

В канун Дня радио корреспондент «Литературной газеты» обратился к заместителю министра связи СССР Александру Сергеевичу Какунину с просьбой рассказать нашим читателям о том, чем, что появилось за последнее время в радиотехнике.

— В этом году в День радио мы имеем все основания отметить еще одну славную дату — сорокалетие со дня начала радиовещания в нашей стране, — сказал тов. Какунин. — Может быть, несколько громко будет называть ведающим тот робкий голос, который впервые прозвучал в эфире в 1919 году в опытной передаче Нижегородской лаборатории. Но я думаю, что насколько не преувеличу, — и люди моего поколения подтвердят это, — если скажу, что и чуть позже, в двадцатые годы, человеческий голос, услышанный в наушниках детекторных приемников, воспринимался как чудо. Тогда, в дни первых передач Нижегородской лаборатории, прозвучали в адрес ее руководителя М. А. Бойчука пророческие слова Владимира Ильича: «Газета без бумаги и без расстойки», которую Вы создаете, будет великим делом». Сегодня почти на ста языках народов Советского Союза и зарубежных стран уверенно и ясно слышен в мире мощный голос наших радиостанций.

Безграничные перспективы открывают сейчас те отрасли нашей науки и техники, основа которых — радио. Много нового наука — медицине, астрономии, биологии, геологии, физиологии — принесут электронные приборы, над которыми работают наши ученые.

— Какие наиболее интересные проблемы они сейчас разрешают?

— В числе таких проблем я назвал бы использование искусственных спутников Земли для создания ретрансляционных пунктов систем связи, особенно телевизионной. Первые ориентировочные подсчеты показали, что осуществление задуманного проекта позволит охватить телевизионным вещанием весь Советский Союз, включая и окраинные районы. Предполагается, что сделать это можно будет в сжатые сроки и со значительной экономией средств.

Для организации ретрансляции телевизионной программы в Советский Союз, необходимо запустить спутник на орбиту, отдаленную примерно на 36 000 километров от поверхности Земли. Он должен быть оборудован приемно-передающей телевизионной станцией с долговечными источниками питания.

В заключение А. Какунин остановился на актуальных проблемах отечественной радиопромышленности.

Перед нами стоит сейчас задача спрос советского потребителя на радиоприемники, телевизоры, но и наладить выпуск недорогих конструкций.

Недавно утвержден и уже передан в производство телевизор «Комсомолец». По четкости изображения он не уступает «Рубину», но стоит дешевле всех существующих аппаратов. В конце года ленинградцы дадут первую партию телевизоров «Комсомолец».

С будущего года другой завод — в г. Александров — начнет выпуск аппаратов «Маяк». Полагаем, что новая модель будет стоить примерно на 150—200 рублей дешевле «Рекорда».

Тов. Какунин сообщил также, что до конца года более чем в двадцати городах — Сталиноблде, Курске, Орле, Симферополе, Салавате, Тамбове, Николаеве, Херсоне и других — вступят в строй телестанции.

46 дипломов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР и президиум ЦК профсоюза работников культуры уредили дипломы I и II степени за лучшие радио- и телевизионные передачи. Дипломы присуждают специальным жюри ежегодно ко Дню радио — 7 мая.

В числе передач центрального радиовещания, получивших дипломы I степени, — «Рабочий день Ленина». На основе материалов Музея В. И. Ленина авторы передачи В. Рейман и Л. Рубин показали одну из лучших передач радио. Роль Ильича исполнил лауреат Ленинской премии Б. Смирнов.

15 радио- и телепередач отмечены дипломами первой степени и 31 — второй.

Раз в три года к 7 мая президиум Академии наук СССР присуждает Золотую медаль имени А. С. Попова за выдающиеся научные работы и изобретения. В этом году, в связи с исполнившимся в марте столетием со дня рождения великого русского ученого, изобретателя радио, были присуждены две медали. Одна из них — советскому ученому, крупному специалисту в области радиотехники — профессору С. Рытову за широкую работу по статистической радиотехнике. Другая медаль присуждена английскому ученому — доктору Д. Эсселу за работу по созданию и применению атомного стандарта частоты, представленному на соискание медали Королевским обществом (Англия). Д. Эссел — первый из зарубежных ученых, удостоенный медали имени А. С. Попова.

МИР — В ТВОИХ И МОИХ РУКАХ!

КОГДА мы оглядываемся назад и вспоминаем сегодня, как зарождалось движение сторонников мира, само воспоминание становится историческим событием. Оно не только связывает нас с дорогим нашему сердцу прошлым: это значительный, оптимистичный для всех фактор, оказывающий огромное влияние на сознание людей и в наши дни.

Сегодня борьба за сохранение мира — нечто само собой разумеющееся для людей и народов, живущих в нашей части света. В борьбу включились отдельные лица и целые народы; это происходит и в тех странах, где движение сторонников мира направлено против осуществления правительственных планов.

А ведь было время, когда для него приходилось искать конкретные формы, находить наиболее приемлемые возможности ведения борьбы.

Здесь-то и возникла своеобразная, никогда ранее не существовавшая школа. Ее посетили ученики и учителя примерно из 72 стран мира, люди разного происхождения, с разным цветом кожи. Учителя поперенному становились учениками, а ученики — учителями. Я имею в виду наш Всемирный Совет Мира. Мы учились друг у друга, начинали понимать особенности каждого и были движимы одной волей. В этой школе изучались причины возникновения войны и возможности сохранения мира. Здесь все учили тому, как защищать мир. И эти знания распространились по всему земному шару: сейчас можно встретить лишь редких людей, которым никогда не приходилось сталкиваться с нашим движением. Подобные школы существуют в настоящее время почти во всех странах. Некоторые — легально, другие — тайно: там, где предметы, изучаемые в этих школах, кажутся правительствам опасными. Учеников и учителей часто арестовывают, когда они возвращаются к родным берегам. Некоторые из них лишаются работы, куска хлеба, свободы. Я говорю, в частности, и о наших западных братьях — друках. Борьба за мир представляла и представляет их разум, совести, духовный и физический силам такие требования, которые подчас трудно себе представить.

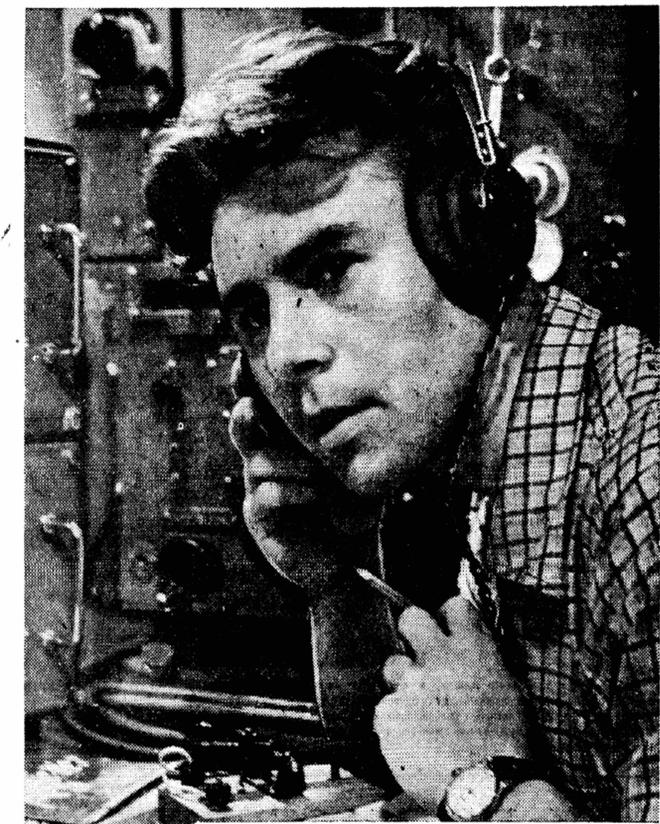
ТО было в конце апреля 1949 года. Многие города между Сталиноградом и Ковентри еще лежали в руинах. Из развалин городов и сел Советского Союза и Германии можно было бы сложить высокий горный хребет. Среди руин Европы жили люди, на теле которых сохранились шрамы, нанесенные второй мировой войной. Но еще большему числу людей война нанесла душевные раны.

Однажды утром на стенах Парижа появились голубь мира Пикассо, Голубь мира — на плакате, ирзывающем к участию в первом конгрессе сторонников мира. Каждый, проходящий образца на него внимание. Никто не проходил безучастно мимо. Во всем мире, мимо того плаката, который висел напротив кафе, где я сидела.

Что же особенного было в этом плакате? В призыве, обращенном к людям доброй воли, прийти в зал Плейель? Почему простое изображение голубя, с двенадцатью ветвями являющегося символом мира, смогло вызвать такое волнение?

У людей, и в первую очередь у тех, что живут в странах, пострадавших от второй мировой войны, нарастало чувство одиночества — по мере того как они начинали разбираться в событиях, происходивших на их глазах. «План Маршалла» прославлялся в качестве средства, способного оказать скорую помощь европейской экономике. На самом же деле эта помощь предназначалась для монополий США и Западной Европы.

Промышленники и банкиры, помогавшие в свое время Гитлеру, были экспропрированы у нас в Германской Демократической Республике. А в то же время на западе страны они опять подыали голову: пришли к власти, вернули себе свои капиталы. Они вновь начали охотиться за добычей. Они расстреляли созданные положение как возмущения между прошедшей и будущей войной. Вместо того, чтобы навсегда покончить с милитаризмом, принесли горе миллионам людей, а мы поставили под сомнение все истины, а

Эта комната в МВТУ имени Баумана почти непрерывно поет. Песня ее однообразна: ти-та, ти-та... Здесь обособились коротковолновые радиоловители. Училища «скалопты» в кружок студент 4-го курса Юрий Фадеев, в прошлом армейский радист. За год бауманцы установили 4 тысячи связей с радиоловителями 80 стран. Все мы мечтаем, говорит Юрий Фадеев, — когда-нибудь помочь людям. Помните, как в фильме «Если парни всего мира»... На снимке: член радиокружка, студент 4-го курса Владислав Катеринович у передатчика. Фото А. Липина

Мир — в твоих и моих руках!

Анна ЗЕГЕРС,
немецкая писательница

каждую лодку сделали заманчивой; они извратили все представления и понятия. Тем, кто навигация на холодной и кровавой войне, был необходим туман, чтобы скрыть подготовку новой войны. Именно для этого они нуждались в недоверии, в тупом безразличии, в замешательстве и бессердечии; для развязывания «холодной» войны им нужны были люди с холодной душой.

ЧЕРЕЗ четыре года после встречи на Эльбе многие на Западе пожимали плечами, прочитав заголовки газет, в которых шла речь о Брюссельском пакте, о создании западногерманского сепаратного государства, о подписании Североатлантического пакта. После первого конгресса сторонников мира многие, очень многие люди перестали только недоумевать по поводу событий, о которых сообщалось в газетах, а решили взять дело мира в собственные руки.

Собственные руки — это твои и мои руки, руки рабочих Херингсдорфа, рабочих Рено и Форда, раздвиненные кистевой рукой рабочих из Биттерфельда и Хёкста, руки крестьян-виноградарей из Дижона, руки, собирающие чай в Нантоне, морщинистые рабочие руки женщин Канады или Австралии, руки негров, собирающих хлопок, искусные руки врачей в Москве и Лондоне, тонкие руки художников, руки ученых...

В парижском зале Плейель встретились делегаты 72 стран. Как матросы пароходов, прибывших в надежную гавань, стояли команды в густых клубах дыма, каждая под своим национальным вымпелом. Внешний вид, ритм, все возрастающий пафос этого конгресса представляли ему историческое значение. Он воплотил в себе все, что на нашей планете дорого простому рабочему человеку, а следовательно, все, что является прямой противоположностью пустым разговорам, бессердечию, подкупу и обману. Конгресс прозвучал как протест против жажды наживы, против восточных приговоров, против колониализма. Он прозвучал как предостережение, адресованное государственным деятелям, которые, вместо того чтобы вести переговоры, рвут заключенные ими договоры, как ненужные бумажки. Он послужил для Организации Объединенных Наций напоминанием о том, что она должна соблюдать верность своему Уставу.

ПУСТЫ год после того, как Первым Всемирным конгрессом сторонников мира предостерег от злоупотреблений достижениями науки, сторонники мира обратились к народам Стокгольмским воззванием, которое апеллировало к разуму и совести людей. В то время на всех дорогах мира, на всех его параллелях и меридианах, в больших городах, на островах и на судах был проведен сбор подписей за запрещенные атомной бомбы. Это было всенародное решение.

Откуда взялись эти 500 миллионов подписей под Стокгольмским воззванием? В чем заключаются их ценности? Их ценность заключается не только в том, что этих подписей миллионы. Юлио-Кюри с трибуны Всемирного Совета Мира говорил народам, что новое открытие — расщепление атома — будет иметь для человечества те же последствия, что и открытие огня. Но огонь разжигался первобытными людьми в их пещерах в одиночку, в то время как новое открытие вступает в действие на глазах у всего человечества и поддается контролю.

Тот, кто имел хотя бы малейшее представление о том, что произошло в Хиросиме, ставил вопрос подписью под воззванием, ибо

понимал: если не будет запрещено атомное оружие, то же самое может произойти завтра в его родном городе. Тот, кто ничего не знал об этом, узнавал о случившемся из воззвания.

Женщина, сидевшая на скамейке на берегу Рейна, прятала воззвание в детской колыске. Она одна сумела собрать подписи многих женщин, сядшихся отдохнуть подле нее. Другая женщина, проживающая на севере Финляндии, измученная работой на земельном участке вместо своего изувеченного войной мужа, каждый месяц ездила в сельскую лавку за покупками. Там к ней в руки каким-то образом попало Стокгольмское воззвание. Она прочла его дома вместе с мужем и детьми. Она стала ездить от хутора к хутору и собирать подписи. Негры, работающие на фермах и в шахтах Африки, вырезали свои родовые знаки на древнейшей коре, потому что не умели писать.

НА смену подобного рода единичным выражениям солидарности пришли выступления видных ученых, например геттингенских профессоров или специалистов по атомной физике из многих стран, в том числе группы видных ученых США. Когда мир одержит окончательную победу, нашим внукам трудно будет понять, почему все человечество сразу же единодушно не встало на защиту своей прекрасной планеты.

Летом, последовавшим за принятием Стокгольмского воззвания, было совершено нападение на Северную Корею. Поджигатели войны надеялись разжечь пламя войны в Азии. Они рассчитывали на разочарование слабых и неустойчивых людей, которые быстро должны были прийти к следующему выводу: Мы не в состоянии сохранить мир. Война возникает помимо нашей воли.

Но движение за мир окрепло уже настолько, что произошло обратное. Был созван Второй конгресс сторонников мира. В ноябре 1950 года был окончательно учрежден Всемирный Совет Мира. Этот конгресс должен был состояться в Шеффилде, в Англии. Запрещение на въезд ряду его участников вызвало активный протест. Конгресс был перенесен в Польшу.

С мандатами участников взамен билетов и виз делегаты были переправлены за несколько часов на чехословацких самолетах в Варшаву.

Молодая пражская студентка, сумевшая, благодаря знанию языков, объяснить и растолковать, выполнить обязанности стюардессы, рассказывала нам впоследствии: «В моем самолете находились итальянские, советские и французские делегаты искусства. С нами летела Эжен Коттон. Летел и гость из Сирии, которому также была запрещена высадка в Англии».

Народ Северной Кореи героически защищался на земле и под землей. Люди жили и работали на защищенных от бомб фортах, в госпиталях и школах. Блеск длинных шелковых одежд корейских делегатов проник и за стены помещения, в котором проходил конгресс. Присутствие этих делегатов на конгрессе заставило подняться немало рук.

(Окончание на 4-й стр.)

На Сессии Всемирного Совета Мира

8—13 мая в Стокгольме состоится Сессия Всемирного Совета Мира, посвященная десятилетиями всемирного движения сторонников мира.

Советский комитет защиты мира направил на сессию делегацию своих представителей. В ее составе: А. Е. Корнейчук (руководитель), Н. С. Тихонов, И. Г. Яренбург, Н. В. Попова, В. П. Терешкин, М. И. Котов, Б. Н. Полевой, В. А. Васильевская, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, В. М. Чихикадзе, А. В. Карев, Д. Д. Шостакович.

Члены делегации выехали в Стокгольм.

Ирландия Андроников Рассказ на экране

МЫ ГОВОРИМ: «День радио». Но приобретаем «и телевидения». С каждым годом оно становится все более влиятельным пропагандистом наших идей и достижений во всех областях культуры.

Однако телевидение, так же как радио, слушает не только рупором: на наших глазах на телеэкране возникают не только новые формы общения со зрителем, но и новые литературные формы. В связи с этим мне хотелось бы сказать о некоторых возможностях телевидения, о его «мощностях», еще не использованных.

В чем секрет популярности дикторов телевидения? В том, что они постоянно появляются на телевизионном экране? Нет, одного этого было бы недостаточно, чтобы сотня тысяч телезрителей Москвы и «Большой Подмосковья» зывали Н. В. Кондратова записку Ниной, а В. М. Леонтьеву — Валею. Известные киноактеры любимы не менее, но по имени их никто не зовет. Там существуют иные душевные отношения, иные формы признания.

Возникло это дружеское отношение к дикторам телевидения потому, что они давно уже, словно знакомые, входят в вашу семью, приветливо обращаются к вам, к вашим детям, — они стали в доме своими людьми. Так относятся к дикторам во всех городах, над которыми высятся телевизионные мачты. В этом проявляется особое качество телевидения, и в этом его коренное отличие от искусства кино. Хочу пояснить свою мысль: лирическое стихотворение, пусть даже «На холмах Грузии...» Пушкина, на площади перед многотысячной аудиторией не прочтешь. Такой аудитории нужны иные стихи, иные, объединяющие ее в этот момент чувства! Но порознь — по радио — у себя дома эта же многотысячная аудитория воспримет лирическое стихотворение, «как один человек».

То же происходит и с телевидением. Оно — великое массовое искусство. Но, в отличие от киноаудитории, перед экраном телевизора сидит семья или небольшая группа людей. Это — те же многие тысячи, воспринимающие искусство порознь. И законы восприятия в этих аудиториях различны. Трудно представить себе, чтоб на экране кинематографа выступили бы с получасовым рассказом даже такие удивительные собеседники, как Корней Иванович Чуковский или Сергей Образцов. Между тем видеть и слушать их, глядя на экран телевизора — одно удовольствие! По телевидению можно выступать с чтением лекций (конечно, только в том случае, если лектор читает так интересно, как, скажем, покойный Г. Аверанчук). Но на киноэкране такую лекцию (по истории кино) представить себе нельзя. И это понятно: в кино вы — наблюдатель происходящего. Перед экраном телевизора вы — участник: к вам обращаются, с вами беседуют, телевизионное действие совершается в вашем доме. Покупая билет в кино, вы, можно сказать, отправляетесь в гости. Включая телевизор, — принимаете гостей у себя.

Но если телезритель может слушать рассказы или беседу из студии телевидения, следовательно, он может слушать по телевизору и рассказы, снятый на пленку. А это открывает неограниченные возможности для утверждения в практике телевидения нового жанра — телекинорассказа.

Советский зритель знает превосходные «кинорассказы». Да, конечно, это рассказы — по характеру сюжета, по хронометражу. Но в основе их по-прежнему остается драматический диалог. Повествования рассказчика с его осмыслением происходящих событий в кинематографе нет. А если голос автора да еще и является, то этот авторский комментарий не изменит главного — восприятия действия во времени. Со-

бытия, которые происходят в кино, — это всегда «сейчас». Даже если они произошли сто лет назад, они происходят вновь на экране. «Было» и «будет» — прошедшее время и будущее — являются в кинолентах только как неплывы и вытеснения. Но проза — это почти всегда повествование об уже совершившемся — сегодня, вчера, давно.

В романе, в рассказе между читателем и событием всегда лежит время. Я скажу на переключении из Тифлиса: «Январским вечером 1930 года вехал в хутор Гремичий Юл верховой». «Все смешалось в доме Облонских». И это не то же самое, что получился бы, если бы Лев Толстой написал: «Все смешивается в доме Облонских». Вслед за этим пошли бы другие события!

Итак, прошедшее время в кино невозможно. Но в телевидении оно воспринимается совершенно нормально: телезритель хорошо слушает прозу. Тем самым на телевизионный экран получают доступ кинокартины, иные по структуре, чем те, что идут в кинотеатрах. Если рассказчик в продолжение часа может выступать перед телеаудиторией, ничем не подкрепляя своих слов, кроме жеста и «красочного театра своего лица» — мимики, отчего он не может рассказывать, одновременно и показывая то, о чем идет речь, когда из слова рождается конкретный зрительный образ? Телевидение движется здесь навстречу документальной кинематографии, которая уже давно стремится от подтекстов перейти к органическому слиянию киномонтажа с литературным повествованием.

Мне кажется, что мы накануне возникновения нового жанра и что у этого жанра очень большое будущее. Речь идет не только об экранизации произведений уже существующих. Речь идет о создании литературы для телевидения.

Памяти Сэнгэ Дашцевгийна

Телеграф принес скорбную весть: 6 мая в Улан-Баторе скончался первый секретарь Союза писателей Монгольской Народной Республики, депутат Великого Народного Хурала, кандидат в члены ЦК МНРП, выдающийся монгольский поэт товарищ Сэнгэ Дашцевгийна.

Союз писателей СССР направил в Улан-Батор следующую телеграмму:

УЛАН-БАТОР
Секретариату Союза писателей Монгольской Народной Республики

Союз писателей СССР выражает свою глубокую скорбь в связи со смертью первого секретаря Союза писателей Монгольской Народной Республики, выдающегося монгольского поэта, нашего друга Сэнгэ Дашцевгийна. Все свою кипучую энергию отдавал он делу развития культуры своей страны, в ярких стихах и поэмах воспевая великие преобразования в Монгольской Народной Республике и жизнь трудолюбивого монгольского народа. Активный борец за мир, товарищ Сэнгэ приобрел много друзей в СССР и странах народной демократии. Память о нем всегда будет жить в наших сердцах.

Секретариат правления Союза писателей СССР

СЕГОДНЯ В СУМГАИТЕ

Год назад пленум Центрального Комитета партии принял постановление об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов...

Всего год прошел, а на карте страны появились десятки новых заводов, отмеченных стрелками и предпринятых химических предприятий...

Маленькая точка на карте, а сколько характерных черт нашей жизни вбирает она в себя: новое производство, новые кадры, новые невиданные темпы!

Маленькая точка на карте, а сколько характерных черт нашей жизни вбирает она в себя: новое производство, новые кадры, новые невиданные темпы! И так всюду, по всей стране, где сегодня воплощаются в жизнь решения партии, направленные на удовлетворение нужд народного хозяйства и потребностей советских людей.

...И ПО МАСТЕРСТВУ!

И МАЯКОВСКОГО неизменно возникает на устах, когда разговор заходит о большой поэзии. Ощущая пульс современности, как ощущал его Маяковский...

Павел Богданов. Много внимания он уделяет проблемам поэтического образа. О метафоричности стиха говорит Евгений Винокуров, об обновлении классических ритмов — Федор Фоломин...

Однако, — предостерегает Алексей Марков, — идя в ногу со своим читателем, следует охранять литературу от пассивности, «подчиненного» иллюстрационности, от инвентаризации поэтических индивидуальностей...

Поэтическая дискуссия, даже при всех ее недостатках — некоторой раздробленности разговора, «молчаливости» критиков, — оказалась очень ценной. Тем более, что прошла она в преддверии Всесоюзного писательского съезда...

ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ ПИСАТЕЛЯ

НАМ, ПИСАТЕЛЯМ, надо думать сегодня о главном: каков же литературный процесс в народном сознании, что она обдела для оформления народной мысли?

У Леонида Леонова

Традиционный вопрос: «Над чем вы работаете?» — показав неуместным и банальным возле этого стола с такими живыми, кровотокающими листами бумаги на нем...

Так на вопрос, какие мысли вызывают у него предстоящий III Всесоюзный съезд писателей, ответил Леонид Леонов.

Договаривались мы с Леонидом Максимовичем о кратком интервью только на эту тему. Но вряд ли корреспондент, побывав у Леонова, имеет в глазах читателя право ограничиться передачей этих двадцати шести строк...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

«ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СТАЖ»

Эти слова нередко проносятся теперь в семьях при обсуждении шансов сына или дочери попасть в вуз.

Ныне наша молодежь, вступающая в жизнь, все чаще проходит во время учебы и по окончании школы трудовую подготовку.

Как-то раз пришлось мне побывать на железнодорожной станции Шкиртава. Там я услышал историю Яна Балашко. Самого Яна я не застал, — он уехал на учебу в Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта.

НЕ ХОЧЕТСЯ повторять общеизвестные истины о важности этого первого этапа для всей дальнейшей жизни человека. Именно тогда решается не только то, кем он будет, но и то, каким он будет.

ТВОЕ МЕСТО В ЖИЗНИ...

Вызуб БЕРЦЕ

Вот почему нужно поговорить серьезно о некоторых, на первый взгляд, мелких фактах, связанных с первыми шагами молодежи на производстве.

На заседании комитета комсомола завода «ВЭФ» принимали в комсомол юношу из семьи журналиста. Юноша этот оставил школу после восьмого класса и пришел на производство.

Вот почему нужно поговорить серьезно о некоторых, на первый взгляд, мелких фактах, связанных с первыми шагами молодежи на производстве.

В известной мере неплохо, если молодые люди перед высшим учебным заведением пройдут хотя бы такую небольшую трудовую школу.

Визуб БЕРЦЕ

Вот почему нужно поговорить серьезно о некоторых, на первый взгляд, мелких фактах, связанных с первыми шагами молодежи на производстве.

Вот почему нужно поговорить серьезно о некоторых, на первый взгляд, мелких фактах, связанных с первыми шагами молодежи на производстве.

Вот почему нужно поговорить серьезно о некоторых, на первый взгляд, мелких фактах, связанных с первыми шагами молодежи на производстве.

В известной мере неплохо, если молодые люди перед высшим учебным заведением пройдут хотя бы такую небольшую трудовую школу.

помочь подняться к высшей квалификации. Об этом, о воспитательной сути трудового процесса, о судьбе каждого молодого человека, пришедшего сюда из школы...

КОМСОМОЛЬЦЫ экспериментального цеха того же ВЭФа говорили мне: «Слишком много всяких пацанов к нам в цех понабрали. И не учат. Используют их так: то там пособит, то здесь. А то просто слоняются по цеху».

Несомненно, вспоминается Ян Балашко, его прямой путь в жизнь. Семь лет на производстве не только открыли ему дорогу в институт — за это время он не переставал учиться, нашел свое призвание, стал активным, сознательным членом общества.

Вот почему нужно поговорить серьезно о некоторых, на первый взгляд, мелких фактах, связанных с первыми шагами молодежи на производстве.

ОТ ШКОЛ К ЗАВОДАМ должна протолкнуться прямая нить, объединяющая все дело воспитания и обучения молодежи. В семилетке, в которую мы вступили, на путях больших свершений народа, по-новому будут складываться судьбы людей.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

УЧЕНЫЙ МАЛЫШ

Писатель Эн — ученый малыш, и эрудитам всем под стать. О каждом классике, пожалуй. Он может долго рассуждать. Но скажем не без удивления, что рассуждает он о них, об авторах великих книг.

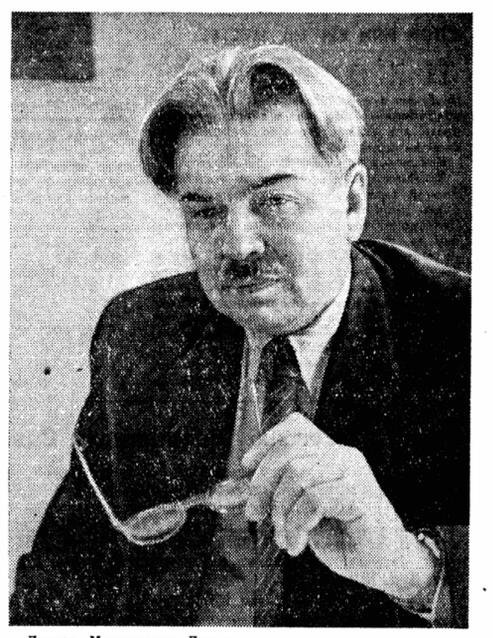
Он может рассказать немало О том, чего и не бывало. Он знает все: тот был скучным, тот — противоположным полом. Тот тратил все на лошадей, тот дулся в карты дни и ночи...

В. БАХНОВ и Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Ведущая тема — современность

В ДОМЕ творчества в Дубултах, на Рижском взорье, проходит всеобщий семинар драматургов, организованный Союзом писателей СССР и Министерством культуры СССР.

Семинар продлится до 15 мая. РИГА. (Наш корр.)

Леонид Максимович Леонов. Фото А. Ляпина

Опять о беспорядочной трате... Дом инвалидов... Пенсия... А вот он снова пишет... Запросите с места работы...

Мелькая фамилия, имена; ни разу секретарь не напомнил Леониду Максимовичу о существе дела, к которому он уже однажды имел касательство.

Мы иногда неправомерно разграничиваем общественную деятельность писателя и его творчество. А действительно, не отвлекают ли писателя от творческой работы его общественные дела?

Но, судя по тому, как разбирает Леонов очередную почту, какие он оставляет распоряжения относительно писем, собираясь на днях лечиться на лечение в больницу (самые важные, пожалуй, кладите вот сюда, — жена передаст их мне), — судя по всему, общению с людьми, душевному разговору с ними об их нуждах, горестях и радостях — вовсе не отлучение для настоящего писателя.

ИЗВЕСТНО увлечение Леонова респиратором, дающая ему уже три десятилетия. В книжном его шкафу примечны разноязычные ботанические словари. «Я бы, наверно, мог кандидатскую диссертацию защитить», — шутит он.

как-то, оглядывая свой сад: «Сколько здесь так и непонятных странностей... Но он мог бы добавить: а сколько написанных — и превосходно написанных! Ведь нельзя сомневаться, что именно здесь, среди цветов, кустов и деревьев, посаженных на родной земле своими руками, впервые поднялись ростки могучего леоновского «Русского леса».

Родина... Ее люди. Ее природа. Этим и только этим вдохновляется, дышит подлинное, большое искусство.

Человек живет, чтобы создавать ценности. — Убежденно говорит Леонид Леонов. — Если человек ничего не создает, если делает что-то меньше и хуже, чем может, — он просто обкрадывает себя, его существование никчемно. Всегда нужно думать об исторической преемственности — об этой длинной, тянущейся через века, цепи отплат за добро, которое оказано тебе, когда ты был еще неперспившим птенцом. Я думаю, что тому, кто работает кооп-кас, не стоит проноситься слово «народ». Как может человек не замечать на себе пристального и прозрачного взгляда, благожелательного на добрые, красивые дела! Да неужто не было у него в роду старой крестьянской женщины со сведенными от работы пальцами? Неужто не помнит он своей старой бабки, не видел крестьянку, молча провожавшую нас в горькие дни отступления?.. Неужто способен он забыть вот об этом народе, о его судьбе?.. Чувствовать на себе благословляющий взгляд — это не только обязанность, но и великая радость. Она уберегает от дурных поступков, дает силы для большого труда, вселяет в душу творческую удачу. Может ли писатель жить без этого! Удале писатель? Не это просто человек с чернильницей. Чернильница — сама по себе недорогого стоит... Писатель — человек с совестью.

ВЕРНОСТЬ ВРЕМЕНИ — ВЕРНОСТЬ СЕБЕ

Е. КНИПОВИЧ

ТВОРЧЕСКАЯ индивидуальность художника, так же как и всякая человеческая индивидуальность, развивается и живет соответственно своей природе, у нее свои, только ей присущие качества. Смешно было бы требовать от Л. Леонова «точной и нагой» композиции, свойственной прозе Пушкина. И никто не упрекает В. Панову за то, что всем нам милых героев своих — таких, как Юлия Дмитриевна, Вася, Мария, Коростелев, она не живописует методами Виктора Гюго.

Называя одного художника особенностями и качествами, присущие совершенно другой творческой индивидуальности, критик ставит себя в положение аполога голговетского Агафьи Тихоновны, которая, как известно, полагала, что «если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича», то получится идеальный жених.

Дело не в том, чтобы творчество каждого художника стало скалом всего хорошего, что добыто в литературе общим трудом за все время ее существования. Дело в том, как отражает художник действительность, жизнь, эпоху в пределах своего собственного, неповторимого дарования, в каком отношении стоит его творчество к тем силам истории, которые определяют ее поступательное движение.

Мы, критики, за последние годы иногда стали приводить некоторые слова Ленина не слишком точно. Так, в усеченном виде приводится его знаменитое высказывание о том, что искусство Толстого есть шаг вперед в художественном развитии всего человечества. У Ленина же речь идет не просто о высоком искусстве, а совсем о другом. «Эпоха подготовки революции в одной из стран, припадках крепостничества, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества». Гениальность Толстого Ленин видит прежде всего в том, что художник ощутил объективное содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке.

Недавно в статье «Единство в многообразии» («Литературная газета», № 35, 1959) Т. Трифонова, обращаясь к критикам с призывом «более внимательно походить ко всем полновесным богатствам, созданным мировым искусством», ссылалась на указание Ленина о том, что действительно великий художник не может не отразить хотя бы некоторых существенных сторон действительности.

Но и в данном случае Ленин говорил совсем другое: «...если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции (подчеркнуто мною. — Е. К.) он должен был отразить в своих произведениях». У Ленина речь идет о **протреснивших** сторонах сложного мировоззрения художника, о связи его творчества с ведущими силами исторического процесса, а не просто об отражении «существенных сторон действительности».

Существенные стороны эпохи второй мировой войны и Соппротивления отражали, например, в своем творчестве и Сартр, и Арагон. Более того, каждый из двух по-своему «не принимал» фашизма. Но «непринятие» Сартра, никак и ни в чем не связанное с революцией, рождало образы, в которых воплотились безмерный страх перед опасностью физическое уничтожения и безмерная ненависть ко всем людям, к врагам и соотечественникам, ибо каждый из «других» мог стать источником опасности. А так как изобретенный им буржуазного интеллигентства понаторел в умении возложить в сан «вечных» собственные переживания, то и Сартр оправдывал свое отношение к человеку всеобщим вневременным «злом», коренящегося в якобы извечной порочности человеческой природы.

В стихах же Арагона, все творчество которого жило и живет в согласии с ведущими силами истории, обрел голос «человек-коммунист», сын народа — великого творца истории. Стихи его звучат в борьбе и сами были актом борьбы против конкретно-исторического проявления социального «зла».

В творческой индивидуальности художника, так же как и во всякой индивидуальности, есть своя «доминанта», которую определяет отношение художника к «самому сильному движению века» (так в одной из своих статей К. Федин называет идеологию революции).

Из этого не следует, что художник должен брать лишь определенный круг тем, лишь определенный материал. Человеку — строителю коммунизма нужно все: героика и лирика, смех и раздумье, взгляд в будущее и воспоминания. Не надо только думать, что любая тема или любой жанр могут существовать вне времени или оставаться фактом подлинного искусства, вступающего в противоречие с ведущими силами истории. По-своему связана с существенными сторонами революции вся великая литература прошлого — будь то монументальный роман или лирическое стихотворение. Именно потому «Майская песня» Гете воспитывала чувства великого революционера Чернышевского, и Горький-подросток оборонялся от пошлости и жестокости мешанского мира стихами «Руслана и Людмила». Один умный немецкий критик на основании самых ранних и архаичнейших песен Гейне назвал его гравым поэтом третьего сословия. Влиятельность «Цыган» Пушкина к мпропущенному декабристам засвидетельствована двумя советскими художниками — Асеевым («Синие гусары») и Тьянановым («Кюхля»).

Я думаю, что хорошая литература всегда учила людей хорошему и помогала им идти верным путем. И особенно отчетливо ее воспитательная, «учительная» сила проявляется сейчас, потому что социалистический реализм, по мудрому слову Горького, — это не только эстетика, но и этика нашего искусства,

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ некоторые критики наши — чаще всего устно — высказывали мнение, что все, выходящее из-под пера того или иного писателя (преимущественно такого, который данному критику особенно нравится), не может обсуждаться и вызывать возражения, ибо такого его, писателя, творческая индивидуальность. По-видимому, критику отныне вменяется в обязанность ходить за писателем с календарем, возлагая вместо «господи, помилуй» — «творческая индивидуальность».

Я принимаю «ажурную провозглашение» как основной закон композиции романов Л. Леонова. Но в тех редких случаях, когда композиция их становится просто громоздкой, без «ажурности», когда она не помогает всестороннему раскрытию характеров и образов, — об этом можно сказать без фаталистических ссылок на «индивидуальность» художника.

Всем сердцем принимаю и те творчески освоены традиции русской устной литературы, которые живут в замечательном романе Л. Леонова «Русский лес». Подлинную связь с народным творчеством, с самой душой его мы ощущаем в романе, к примеру, тогда, когда Поля Выхрова — советская девочка — идет на подвиг, укрытая всей мощью, окутанная теплым дыханием русского леса. Но в согласии с «доминантой» творчества художника находятся не все образы, воплощающие эту традицию.

Непривязанность, антидиактичность, естественность формирования характеров — таков основной закон, принятый В. Пановой для своего творчества. И общий смысл его заслуживает полного признания. Но у этого «принципа неумешательства», оказывается, есть и своя оборотная сторона. О ней, в частности, говорил в статье о романе «Кружничиха» автор лучших, на мой взгляд, работ о творчестве В. Пановой — покойный В. Александров. Он полагал, что мирное сосуществование разных героев, естественное для романа «Спутничиха», в «Кружничихе» вряд ли оправдано идейно и художественно.

«В «Спутничиха», кроме Супругова, все было действительно по-своему хороши», — говорит В. Александров. — Здесь (то есть в романе «Кружничиха», — Е. К.) на первый план выступает другое: различия между более и менее передовыми людьми, своего рода моральное соревнование. И то построение, которое в «Спутничиха» было уместным, отвечало верной идее, здесь представляется уже недостаточным. Проходят ли автор явным их слабости или не прощает, сами-то эти люди в силу различного своего делового и морального уровня, в силу различных степеней своей «социальности» не могут и не должны так спокойно соседствовать друг с другом. Не только отношение автора к действующим лицам должно было быть более высказательным и критичным; в самом взаимоотношении действующих лиц, какими они были показаны, в их действиях, в их поведении должна была выступать их критика и самокритика».

Обычно ложной тенденциозностью, тенденциозностью в дурном смысле слова, мы называем стремление автора насильственно навязать своим героям те действия, то поведение, которое никак не вытекает из их характера, степени их «социальности». А как же называется стремление автора удерживать героев от тех действий, к которым неизбежно ведет себя их человеческая сущность, все свойства их характера? Не имеем ли мы тут дело с некоей дидактикой наизуанку? И не заключаем ли мы между всеми героями некоторых романов В. Пановой под чрезвычайно энергичным идейным нажимом автора?

И разве не самыми дорогими читателю остаются все-таки те герои В. Пановой, которые не уступают в главном, умеют защищать самое дорогое? Не будем возвращаться к «Спутничиха» — они признаны всеми, они стали классикой советской литературы военных лет. Но четыре года тому назад В. Панова написала хорошую повесть «Сергея». В ней, в пределах дарования В. Пановой, ее средствами, в соответствии с ее эстетическими взглядами — создан чрезвычайно живой и привлекательный образ отличного советского человека наших дней. Это Коростелев — отчим маленького Сергея.

Он выступает в повести, как воспитатель, как инженер человеческих душ. С каким уважением относится он к первым попыткам ребенка философии осмыслить мир, как мудро принимает он прямо и бескомпромиссно ребяческую этику, которая не знает никаких полутонов в вопросе о том, «что такое хорошо и что такое плохо», как смело берет он на себя ответственность за судьбу ребенка, от которой, без трусости и лицемерия, отказывается его жена — мать Сергея.

Любопытно, что хотя в «Ясном берегу» говорится о том, что Коростелев высокого роста, читатель тотчас об этом забывал и Коростелева себе представлял не мог. В повести «Сергея» получила смысл и каждая черта внешнего облика героя. На высокого Коростелева Сергея смотрит вверх, почти как мы на матушку сосну; длинные ноги отца с несильной быстрой несутся над его плече сына на встречу счастью. И вот уже Коростелев, как живой, стоит перед глазами читателя — высокий, длинноногий, голубоглазый. Я не знаю, каково субъективное мнение автора о своем герое — эстетической оценки его внешности В. Панова не дает. Но если

бы меня спросили, красив ли Коростелев, я бы ответила — да, очень красив. Так бесспорно и, я бы сказала, безапелляционно этика становится здесь эстетикой.

Я думаю, что в умении создавать образы такого рода заключается самая сильная сторона творчества В. Пановой. Именно такие образы, а также и сами эстетические и этические принципы их создания могут стать мерилом и для всех других ее героев. В повести «Сергея» Коростелев занимает то место и несет ту функцию, которая соответствует жизненной и идейно-эстетической правде. Он самым фактом своего существования проясняет качество и сущность характеров и поступков других людей — и средних, и слабых, и «неестественных».

Этот герой В. Пановой, так же как и многие другие, по праву входит в большую семью уже созданных литературой нашей хороших и разных советских людей. Но я думаю, что в творчестве В. Пановой есть и такие герои, с которыми ее же собственным лучшим созданием никак не уживется. И речь тут, конечно, идет не об «отрицательных», и не о том, что В. Панова не ходит вокруг «плохих», повторяя: «Ах, какие они гадкие!».

В противоречии с истинно человеческой «доминантой» своего творчества В. Панова вступает тогда, когда, по одной ей ведомым причинам, она не только не берет человека в основное его качество, но и сознательно забывает о главном — об исторически конкретном содержании его судьбы.

Если говорить, например, о женских образах последней книги В. Пановой — «Сентиментальный роман», то станет ясно, что тему произведения, то есть трудное, сложное формирование личных отношений в первые годы существования советского общества, «несут» четыре образа: Зоя большая, Зоя маленькая, Ксения и Лиза. Но Зоя маленькая — это не живой человек, а всего лишь сумма хороших качеств и правильных поступков. И существует она в романе «про запас», чтобы читатель узнал под занавес, что герой пришел с ней сейчас после того смятения чувств, в которое ввергли его отношения с Зоей большой. И Лиза тоже еще не образ, а некая персонализация той тяги к отдыху, уюту, пусть хоть мешанскому, которая овладевает героем — фронтовиком Кушлей.

Есть в романе один женский образ — сильный, исторически правдивый, хорошо написанный. Это — рабкор Мария Петриченко. Но образ этот — внесюжетный. Он появляется как бы во вставной повелле и с темой произведения, с судьбой его героев никак не связан. А среди немногочисленных «споспелителей» сюжета мы увидим как бы два полуса. На одном — Зоя большая, красавица, воплощение «слепой женственности», сама себе закон; легко, бездумно и — в изображении автора — как-то безгрозно переходит она из рук в руки — от юноши-комсомольца к спекулянту-благородицу и от него — к советскому чиновнику-перерожденцу.

Другой полусе — это Ксения, подруга Кушлей, женщина, которая ушла из дому, чтобы ставить и защищать Советскую власть. Она честно пропала три года по фронтам гражданских войн и, по словам Кушлей, претерпела такие муки, каких «Иисус Христос не терпел».

Дело не в том, что Ксению В. Панова показывает только в личном плане — в тяжелом и унизительном соперничестве с толстухой Лизкой, — и не в том, что Ксения физически очень непривлекательна, — все это может и не противоречить жизненной правде.

Дело в том, что Зоя — золотую мушкетерскую блеск и крылья в атмосфере нэпа. — В. Панова видит восторженными глазами поэта. На Ксению же устремлен тот ледяной взгляд, каким просвещенный этнограф изучает представителя первобытного племени. Во всем образе Ксении нет ничего человеческого. Даже страдания ее не поднимаются над страданиями бессловесной твари с перепитым хребтом.

Я думаю, что с таким «смещением фокуса» не согласился бы и все лучшие герои В. Пановой — герои, рожденные ее творческой индивидуальностью.

В ИСКУССТВЕ, поистине, «сколько голов, столько умов». Но при всей широте и свободе творческих поисков художник нашей страны и нашего времени не может забывать о том, что он — сын своей эпохи и своего народа, что каждым словом своим он участвует в формировании нового сознания сотен миллионов людей. Память об этом великом и почетном долге должна всегда оставаться компасом на личных путях-дорожках художника.

«Влюбленные» Художник Г. Коржев

С. МАРШАК ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

Послание Гамильтону

Прощай, синева и листва, и трава,
И солнце над краем земли,
И милые дружки, и улы родства,
Свой жизненный путь мы прошли.

Рубцами хвалится боец —
Печально молодчества.
Хвалу войне поет певец —
Проклятию человечества.

Велик не тот, кто сотню душ
Безымянных уничтожит.
Достоин чести скромный муж,
Чье род людской уножит.

— Даны вам щедрые дары,
— Сказала нам природа,
— Не будьте столь же вы щедрый
И мнужьтесь год от года.

Вольно я в кровь струю огня,
Чтоб дружною четкою
Вовек жили у меня
Отвага с красотой.

Творец нехитрых этих строф
Был некий бард беспечный.
Он пад среди ролных лугов
От радости сердечной.

В него влила природа-мать
Горячей крови долина,
И не дерзал он нарушать
Родительницы волю.

Начертанный природой путь
Безропотный прошел он.
Нашел он родственную грудь,
Любови безмерной полон.

Он цвет любви берег весной
От яда и от града,
И щедры урожай двойной
Поэту стал наградой.

Был в сентябре вознагражден
Он за любовь и верность:
Ему подругой был рожден
Наследник — новый Бернс.

Чтоб нашу родину певец
Грядущих поколений
Воспел достойней, чем отец,
Звучней и вдохновенней.

О, гений мира и любви!
Тебя мы призываем.
Шотландский край благословил
Обильным урожаем.

Пусть крепнет древний наш народ
И славится по праву
И Бернс род из года в год
Поет народу славу!

Планета будущего

Здесь ум забыл проклятый страх
И всеми гнями играет.
Здесь радость греется в лучах
И никогда не умирает.

ВЫШЛИ В СЕТ...

- Издательство «Советский писатель»
- Агеев Н. Горное плечо. Поэмы. 96 стр. 5000 экз. 1 руб. 75 коп.
- Азаров В. Круглая война. Стихотворения. 124 стр. 5000 экз. 2 руб. 5 коп.
- Васильевская В. В борьбе роковой. Повесть. Перевод с польского Э. Васильевской. 130 стр. 3000 экз. 3 руб. 75 коп.
- Волков О. В тихом краю. Повесть. 403 стр. 3000 экз. 6 руб. 75 коп.
- Галавач П. Повести. Перевод с белорусского. 307 стр. 3000 экз. 5 руб. 45 коп.
- Гурвич Л. Камни моего очага. Рассказы. 136 стр. 3000 экз. 3 руб. 30 коп.
- Гуттари Т. Наблюдения. Стихотворения. Перевод с финского. 107 стр. 5000 экз. 2 руб.
- Зедгидзе Э. Незабываемое лето. Рассказы и легенды. Авторизованный перевод с грузинского В. Киреевой. 220 стр. 15000 экз. 4 руб.
- Зубанин Б. Маленькие истории. 227 стр. 3000 экз. 4 руб. 20 коп.
- Зубарев В. Барханы. Стихи. 88 стр. 5000 экз. 1 руб. 10 коп.
- Катерини Е. Жизнь Гранны Соколовой. Роман. Послесловие В. Катерини. 345 стр. 3000 экз. 4 руб. 30 коп.
- Логиню В. Знакомый маршрут. Повесть и рассказы. 277 стр. 15000 экз. 5 руб.
- Пролетарские поэмы первых лет советской эпохи. Вступительная статья и составление С. Паперного. 586 стр. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). 10000 экз. 11 руб.

Песня смелых

Прощай, синева и листва, и трава,
И солнце над краем земли,
И милые дружки, и улы родства,
Свой жизненный путь мы прошли.

Кто волею слаб, кто судьбы своей раб —
Трепещет, покая конем.
Но гибель час, неизбежный для нас,
Не страшен для храбрых сердец.

Весной ко мне сватался парень один.
Твердил он: — Безмерно люблю, мол.
А я говорю: — Ненавижу мужички!
И впрямь ненавижу, он думал...
Вот дурень, что так он подумал!

Сказал он, что ранен огнем моих глаз,
Что смерть его силы подточит.
А я говорю: — Пусть умрет хоть сейчас,
Умрет за того только хочет,
За Джинни умрет, если хочет.

Усадьбу, где полный хозяин он сам,
И свадьбу — хоть завтра — сулил он.
Но душою: виду ему не годим,
Что дурочку сразу престельил он.
Усадьбу и свадьбу престельил он.

И что бы вы думали? Вдруг он исчез.
А вскоре нашел он дорожку.
К моей же сестрице двоюродной — Бесс.
Терпеть не могу эту кошку!
Глухую, поджарую кошку!

Хоть зла я была, но пошла погулять
В Дальгрюнок — там день был базарный.
И адду предо мною явился опять.
Как призрак, дружок мой коварный,
Все тот же мой парень коварный.

Отвстив негодному легким кивком,
Пройти пошла я мимо.
Он, ошавев, словно был под хмельком,
Назвал меня милой, любимою,
Своей дорогой и любовью.

А я между прочим вопрос задала,
Глуха ли, как прежде, сестрица
И где по ноге она обувя нашла...
О боже, как стал он браниться!
Как яростно стал он браниться!

Молил он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Молит он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели души спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна!
Хоть завтра венчаться согласна!

Литературное ОБОЗРЕНИЕ

В с е й д у ш о й

М. Щеглова
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ
Москва
«Советский писатель»

Статьи Марка Щеглова хорошо известны тем, что по-настоящему о нем любят искусство, а стало быть, уважают подлинно художественную литературную критику. Высокая одаренность М. Щеглова была признана сразу с первой начатой им работы. Не категорической безысходностью оценок держалась авторитетность его суждений — они не раз оспаривались. И не примерной работоспособностью «брал» молодой критик, хотя работоспособность эта становилась в условиях тяжелой болезни Щеглова настоящим подвижничеством. И не тяжеловесный тоннаж эрудиции более всего убеждал в его статьях, при всем том, что ни по одной из них нельзя было усомниться в основательности и разносторонней подготовленности М. Щеглова к делу, которое он выбрал себе в жизни.

Статьи М. Щеглова светились каким-то особым, к сожалению, редким в нашей критике обаянием, секрет которого не раскрывает высоко, но слишком общее слово — «талант». В предисловии к сборнику Н. К. Гудзия назвал М. Щеглова-человека «литриком по натуре». Это качество щедро проявилось в статьях М. Щеглова-критика.

«...Нужно лишь непосредственно, почитательски вглядеться, войти дружок в мир героев...» Так говорил критик о книгах совсем разных писателей, разных жанров, разных времен. И эту же способность душевного сопереживания, которой требует от писателя и за которую любит писателей М. Щеглов, он ценит и в критике.

Статьи М. Щеглова всегда были точно настроены на «волну» данного произведения данного писателя. Он умел «ходить духом» в «чужую душу», чужую книгу, сжаться с ней, ощутить как свою. На Есенина, Грина, Вячеслава (блестящие статьи о них выделяются даже в этом обширном собрании тонких по анализу работ) критик не смотрел со стороны. Это был «его» Есенин, «его» Грин, «его» Грин. И потому так свободно, оригинально и сдержанно слог М. Щеглова, так богат его словарь, так изящен и непринужден ход мысли.

Критика-«литрика» подстерегают три опасности. Первая — стать рабом книги. В критике понятие — в противоречие афоризму — отнюдь не значит главных задач учителя — как можно скорее стать ненужным своему ученику. Пробуждение самостоятельности в будущем художнике — вот что самое важное.

Книга отлично написана. Эта теоретическая работа меньше всего походит на академическую лекцию, где по пунктам разбирается исследуемый предмет. Она напоминает непринужденную беседу. Рассказчик, не теряя главной своей мысли, свободно переходит от предмета к предмету, из одной области искусства в другую. Он не поучит иногда пошутить, что оживляет беседу, не линия ее серьезности. Он не боится вступить в спор с самыми высокими авторитетами. Роман Роллан считается безупречным знаменем Бетховена. Но Щеглов спорит и с Романом Ролланом, с его тенденцией изображать Бетховена «человеком несчастным», лишая его тех радостей, которые составляют творчество.

Книга заключается весьма объемистой статьей Л. Мильштейна, которая, по существу, ничего нового не раскрывает в творческом облике Щеглова и вообще чуть ли не наполовину состоит из цитат из этой же книги.

Мильштейн как будто бы хвалит книгу, но делает это весьма странно: сопоставляя почти каждую похвалу оговорками. Так, например, Мильштейн считает, что в книге «одного не будет устранять отсутствие сматых выводов, другой найдет кое-какие излишества в стиле изложения, третий и, вероятно, справедливо — не согласится с несколькими нарочитым разделением учителя фортепьянной игры на педагогов-исполнителей и на «чистых» педагогов и т. д. и т. п.

Нужно ли такое послесловие, которое, кстати сказать, почему-то названо вступительной статьей?

Л. МАЛЮГИН

50-летие ЛЕОНИДА ЮХВИДА

И СПОЛНИЛОСЬ 50 лет со дня рождения и 30-летие творческой деятельности известного украинского писателя Леонида Ароновича Юхвида, автора комедий «Свадьба в Малиновке», «Чудесный край», «Голубая крепость» и других произведений.

В приветственной телеграмме секретариата правления Союза писателей СССР, направленной юбиляру, говорится: «Дорогой Леонид Аронович! Горько поздравляем Вас с 50-летием со дня рождения. Желаем Вам доброго здоровья, дальнейших успехов в Вашей творческой деятельности».

Тема публикуемого нами рисунка из австралийского еженедельника «Трибун» — торжество системы социализма над системой капитализма. «Социализм — это слово вычеркивает летящий по небу спутник. Не цифра, символизирующий советский семилетний план, надписи: «мир», «самый высокий жизненный уровень», «производительность», «наука», «культура», «жилищное строительство», «образование». Человечество все дальше и дальше уходит от капитализма, на лозунгах которого написано: «война», «нищета», «заброшенность», «жизнищный кризис».

Кормчий греческой поэзии

Костас ВАРНАЛИС

1 МАЯ этого года принесло радость греческому народу: старейший и любимый его поэт Костас Варналис, борец за духовный расцвет и счастье Греции, награжден международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами». Награждение представителя нашей маленькой страны наряду с представителями четырех великих народов имеет сегодня особенно большое значение: оно усиливает чувство ответственности греческого народа за судьбы родины и всего человечества, его волю к борьбе за мир.

В этом году Варналису исполняется 75 лет. Его 75 лет, как 75 бастионов, стоят на защите свободы Греции, а он по-прежнему отдаст весь пыл своего поистине юношеского сердца борьбе за независимость родины. Его книга стихов «Обжигающий свет», как мать, воспитала два поколения борцов за свободу. Вместе с его второй книгой «Осажденные рабы» она — непревзойденный в Греции образец социальной лирики.

Варналис сказал о национальном поэте Греции Дионисии Соломосе:

«Большой поэт — это прежде всего большой разум и великая нравственная сила». Не только Соломос, все крупные новогреческие поэты оправдывают эти слова Варналиса. Но более всего применимы они к нему самому.

Нелегко ему, сыну простого сапожника, было пробиться в жизнь буржуазной страны, учиться классическому образованию, стать поэтом. Свой настоящий путь он нашел после первой мировой войны под влиянием Октябрьской революции и творчества Горького, Роллана, Барбюса.

Идеология рабочего класса стала «кастальским источником» его поэзии. Может ли эта идеология быть «чужеродной» на греческой почве, «импортированной из-за рубежа», как утверждал реакционер, если она воспитала такого подлинного национального поэта, как Варналис!

В одном ряду с глубокой и тонкой лирикой стоит блестящая сатира Варналиса. Лучшее из его прозаических произведений — «Подлинная апология Сократа». Здесь перед читателем выступает Сократ, вооруженный всем безстрашием, юмором и сарказмом самого Варналиса; Сократ, издевающийся над

судьями и над самим собой, разоблачающий лицемерие буржуазной идеологии и в конце концов горько расквашивающийся в своих идеалистических заблуждениях.

Тем же наступательным сатирическим духом проникнуты и «Дневник Пенелопы» (1947 г.) и «Диктаторы» (1956 г.), и особенно фельетоны, написанные в прогрессивных газетах Греции.

До последнего времени Варналис работал в газете «Авги». Ежедневно он отправлялся на работу вместе с зарей и с рабочими в 6 часов утра. И сейчас же на лестнице и в комнатах редакции уже разносился его новое шутки — этот человек обладает необыкновенным даром оживлять все вокруг одним своим присутствием. Потом «дядя Костас», как с любовью зовут его греки, усаживался за стол, надевал, как некогда его отец-сапожник, свой старый рабочий фартук, чинил дюжину карандашей — и с головой уходил в работу. Варналис очень выскателен, он обыкновенно подолгу мучительно ищет «единственно нужное слово», но зато добывается буквально сверхающего слова.

Настоящий национальный поэт — это и учитель, и кормчий народа, нового поколения. Таков Варналис — и в жизни, и в творчестве. В самые черные дни Греции — во времена диктатуры Метаксаса, гитлеровской оккупации и в тяжелые годы, последовавшие за

ЗА СВОБОДУ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Вы снова встали, снова пробил час — и смерть нашла на баррикадах вас... Но никогда не торжествует враг над тем, кто пал лицом к нему — в боях!

А тех, кто с вами не пошел вперед, презренных тех, их тоже смерть найдет среди отбросов, как постыдный хлам... Так подobaет умирать рабам!

Они умрут, раздвинув прагом, в пепле, и на колу, и под ножом. Им вспомнить суждено в последний час несогнутых, непоколебимых вас!

А вы, вы снова в боевом строю, всегда живые, вы всегда в бою! Ведь солдаты тоже с гучей бой мдет за то, чтобы взойти на небосвод.

Перевел с греческого А. ЯНОВ

ней, — никто не сделал столько, как Варналис, для воспитания боевого духа греческой молодежи. Юношам мы мечтали стать такими настоящими людьми, каких показал он нам в своем стихотворении «Кормчий», — закаленные строки которого — лучшая характеристика творчества Варналиса.

Он призывает вас туда, где будут слагаться народы, где царство Правды и Труда. И мир, и торжество Свободы.

Петрос АНТВОС

Мир — в твоих и моих руках!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

На Варшавском конгрессе была принята резолюция, призывавшая все страны мира запретить атомную бомбу, прекратить пропаганду войны. В Манчестере к народам мира было сказано: разоружение возможно и поддается контролю. Необходимо лишь стремиться к нему.

Но значение и сила наших конгрессов заключались не в одних резолюциях и манифестах. Большое значение имело и то, каким образом удавалось созывать эти конгрессы, как они становились действенной силой. При этом мы все кое-чему научились, в частности в вопросах тактики и форм борьбы за мир. Я вспоминаю, как секретарь Всемирного Совета Мира тщательно проверял с представителями различных стран воззвания, переведенные на несколько десятков языков, и старался уточнить каждый перевод. Когда этот же секретарь, незадолго до одного из конгрессов, стал просматривать список участников, он не нашел в нем фамилии знакомого ему по переписке представителя азиатской страны, где не так давно было запрещено движение за мир. В разгар суматохи, связанной с подготовкой к конгрессу, неожиданно появился тихий, скромный и очень усталый молодой человек, робко спросивший, где секретарь. Ему пришлось проделать очень трудный путь, но он поспетил к запрещению выезда. Лицо его просияло, когда секретарь сказал: «Ваше отсутствие было замечено. Мы беспокоились за вас».

В странах, где защита мира стала неотъемлемой частью нашей жизни и пропаганда войны наказуема законом, трудно представить себя на месте этого молодого человека, осознавать весь риск, связанный с его поездкой. Нам нужно вдуматься в положение наших друзей, путешественников по железной дороге или на пароходе длится иногда по несколько недель или же всего лишь какой-нибудь час, — тех, кто приезжает из Федеративной Республики. Один из наших индонезийских друзей, деньги на поездку которому с трудом были собраны на фермах товарищами по работе, прибыл на конгресс только в последний день его работы, но все же прибыл. Здесь он смог, наконец, представлять интересы своих соотечественников, и к его голосу прислушались, здесь он был полноправным участником при голосовании резолюции.

Такие имена, как Жюлио-Кюри, Дж. Д. Бернал или Пикассо, привлекают внимание и заставляют призадуматься людей во многих странах мира. Но одновременно в движении сторонников мира принимают участие и миллионы людей, имена которых никому не известны.

КАЖДЫЙ гражданин Советского Союза, страны, на знамени которой уже в период Октябрьской революции было начертано «Хлеб и мир», является борцом за мир. Он знает, что он заодно со своим правительством. В ходе совещаний сторонников мира особенно бросается в глаза, насколько наши друзья из Советского Союза способны понимать настроения и высказывания представителей других стран и во всех случаях пытаются учитывать их. Они никогда не настаивают на том, что приводит к

разделению. Они никогда не пытаются навязать большинством голосов те или иные решения.

В то время как западные державы все более открыто занимались гонимой вооружением, Всемирный Совет Мира в Берлине призвал к заключению Пакта мира между великими державами и к перемирию в Корею.

Казалось, что перед лицом таких событий, как вооружение Западной Германии, объединение угольной, металлургической и сталелитейной промышленности в так называемый «Монтан-юнион», подготовка войны не могла оставаться тайной от человечества. И все же агрессивно пытаются выдать за «оборону». Это становится тем сложнее, чем лучше узнают друг друга народы. На одном из наших совещаний Виза, Василевская сказала: «Здесь каждый является подлинным представителем своего народа. В лице каждого делегата мы видим лучшую часть его народа, ощущаем язык народа, его отличительные черты».

Это действительно так. Я знаком с писателем Гильеном, и во время событий на Кубе я думала именно о нем. Арест Варелы ассоциируется для меня с Аргентиной. Назыв Хикмет говорит об имени той части турецкого народа, которая обречена на молчание.

Движение сторонников мира представляет трибуны людям и народам, которые, казалось бы, обречены на молчание, и голос их становится слышен в самых отдаленных уголках.

В ДЕКАБРЕ 1952 года народы и государства Африки и Азии послали своих делегатов в Вену, на Конгресс народов в защиту мира. Здесь было принято воззвание, которое

требовало уважения прав народов, стремящихся к независимости. Большое впечатление на меня произвела фраза, сказанная французским писателем Луи Арагоном: От имени моей страны я приветствую молодые государства, возникающие на моих глазах.

В то время как мы взвешивали и испытывали все возможности, которые позволили бы добиться переговоров и достигнуть соглашения, противники мира, извлекая выгоду из раздора, взвешивали и использовали каждую возможность для того, чтобы спровоцировать конфликты. Мы убедились на собственном опыте, что каждое предложение Советского Союза извращается и каждая попытка нашего собственного правительства встречается Западом полным безразличием.

События 17 июня 1953 года, так называемый день «икс» в Германской Демократической Республике, попытка воспрепятствовать переговорам о перемирии в Корею и казни супругов Розенбергов в США происходили в разных концах земли. Но они служили одной и той же цели: враги хотели зародить сомнения в могуществе сил мира в тем большей мере, чем значительнее становилась их мощь.

В октябре 1952 года состоялся конгресс сторонников мира стран Азии и Тихого океана, то есть народов, с которыми отношения Китая, Кореи, Японии и т. д. по ту сторону Тихого океана — Чили, Мексики и другие. Их борьба за мир вылилась в борьбу за жизнь, когда началась испытанная атомного оружия в Бикини и японские рыбаки умирали от лучевой болезни.

В апреле 1954 года Чжоу Энь-лай и Неру провозгласили пять принципов мирного сосуществования. Эти пять принципов: взаимное уважение суверенитета, отказ от какой бы то ни было агрессии, невмешательство во внутренние дела, стремление к взаимной экономической выгоде, мирное сосуществование.

Именно в это время один индийский врач сказал: Я могу себе представить, как наши учителя и отцы будут воспитывать своих детей, руководствуясь этими принципами. Но я не могу себе представить, как учителя и отцы воспитывают своих детей, руководствуясь принципами «холодной войны».

ЧЕРЕЗ год после того, как Китай и Индия, два государства с различным политическим строем, подали пример мирного сосуществования, эти пять принципов были приняты в Бандунге представителями государств Азии и Африки.

В это же время Советский Союз вновь обратился к западным союзникам с предложениями по коллективной безопасности. И как бы ответом на это явилось решение Совета НАТО об оснащении стран атлантического блока ядерным оружием.

С одной стороны — предложение о мире, с другой — контрпредложение о вооружении. Под знаком таких противоречивых тенденций прошли последующие годы. Событий было много, но я лишь попытаюсь показать вам, как возникло наше движение, какие силы его питают, какова причина его неуклонного роста и развития.

Часто приходится слышать вопрос: какова роль движения сторонников мира в тех событиях, которые волнуют всех нас? Может ли оно воспрепятствовать атомному вооружению? Может ли оно настоять на созыве конференции на высшем уровне?

Наше движение побудило миллионы людей взять дело мира в собственные руки. Наше движение подготовило для этого почву. Оно подготовило миллионы умов и сердец к восприятию мыслей высказанных немцами Н. С. Хрущевым. Советский Союз — миролюбивое государство, показывающее путь к миру уже в то время, когда оно было слабым, находилось в процессе становления, — еще увереннее оно показывает этот путь теперь, когда стало сильным, сильным своей волей к миру, стало оплотом мира. Слова Н. С. Хрущева с особым вниманием были выслушаны немцами: ведь через нашу страну, через наш город проходит демаркационная линия между войной и миром, разделяющая ныне мир на две части. По ту сторону этой линии подвергаются поруганию законы, определяющие здесь, в Германской Демократической Республике, всю нашу жизнь.

Как бумеранг, обернулось против Германии и обрушилось на нее несчастье, которое она принесла соседним с ней странам. Вскоре после второй мировой войны Германия по плану Моргентау должна была быть превращена в огромное картофельное поле. По плану Аденауэра и его западных союзников она может превратиться в атомную пустыню.

Всем нам приходилось встречаться в жизни со страшными, жестокими, разбойничьими, разрушительными силами. Наше движение должно быть сильным для того, чтобы победить желание жить в обстановке дружбы между народами, а не за счет грабительских походов, в обстановке взаимного уважения, а не эксплуатации других народов.

Л. ЭЙДИН

Традиции «движения 4 мая»

С ОРОК ЛЕТ прошло со времени начала «движения 4 мая» 1919 года, когда империалистической и феодальной культуре в Китае был нанесен первый сокрушительный удар.

Массовое антиимпериалистическое и антифеодалное «движение 4 мая» приобрело столь широкий размах благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции, принесшей в Китай победоносные идеи марксизма-ленинизма. После 4 мая 1919 года «новая культура Китая», — по словам Мао Цзэ-дуна, — носит уже новодемократический характер и является частью мировой пролетарской, социалистической культурной революции.

Создание в 1921 году Коммунистической партии Китая, выход на общественную арену новой политической силы — китайского пролетариата придали движению наиболее последовательный характер в его борьбе с феодальной культурой. С «движением 4 мая», с культурной революцией непосредственно связан и литературный реализм, который выдвинула принцип реализма, принцип служения литературе интересам народа, создала произведения, впервые рассказавшие о жизни общества, о борьбе народа языком, доступным широким массам.

Мао Цзэ-дун назвал Лу Синя величайшим и отважнейшим знаменосцем той новой армии, которая начала наступление на империалистическую и феодальную культуру. Великий революционный писатель положил начало новой китайской литературе, своим произведениями открыл дорогу в широкий мир китайской культуры.

Творчество Лу Синя — явление новое в мировой литературе. Произведения писателя — образец гармонического сочетания всего лучшего в демократической национальной традиции с ярким революционным новаторством. Они послужили сильнейшим оружием, разрушающим твердыни феодализма со всеми его догмами, с его культурой духовного закабаления народа.

Лу Синь получил известность до «движения 4 мая». Он начал с рассказа «Записки сумасшедшего», совершенно необычного для прежней китайской литературы. Здесь дана картина всего китайского общества, которое Лу Синь назвал людоедским. Впервые китайская литература выступила как сознательный, непримиримый враг и обвинитель социального строя, узаконившего похищение человека человеком. И выступила не только с обвинением, но с надеждой и верой в то, что «в будущем на земном шаре не потерпят людоедов».

Это первое произведение новой китайской литературы, сломавшее и композиционные, и языковые каноны (компоновка в разговорном языке, близком к разговорному), было лишь началом работы писателя над психологическим рассказом, мастером которого показал себя Лу Синь с выходом в свет «Кунь И-цзи» и «Снадобья» в самый канун «движения 4 мая».

Это была уже начавшаяся новая литература, литература новой темы и нового героя. Лу Синь, а вслед за ним и другие писатели обратили пристальное внимание на крестьянскую — главную силу в борьбе с ненавистным для них феодализмом. Крестьянин никогда до этого не был на первом плане среди ре-

роа китайской литературы. Крестьяне и интеллигенты Лу Синя столь же ярко очерчены и незабываемы, как герои Горького. Обращаясь прежде всего к духовному миру своих героев, Лу Синь, при всем лаконизме его манеры (у него, как и в китайской живописи, намек порою создает представление о скрытых деталях), сумел развернуть широкую картину народной жизни, показать всю габитусность угнетения, разглядеть дремлющую в крестьянине революционность.

Реализм Лу Синя отличен от русского и западноевропейского критического реализма XIX века, хотя в основе своей имеет с ним много общего. Отличен прежде всего потому, что литературная революция, выдвигавшая Лу Синя и других писателей «движения 4 мая», происходила тогда, когда во всю силу развернулось могучий талант Горького, оказавшего огромное влияние на поднимающуюся китайскую литературу, тогда, когда появились уже первые замечательные произведения советской литературы социалистического реализма.

Вершиной реализма литературы «движения 4 мая» явилась повесть Лу Синя «Подлинная история А-ю». Вод мерзость полуфеодалного, полуколониального Китая сконцентрировалась на маленьком клочке китайской земли, в деревне Байчунку, изображенной Лу Синем. Здесь живет герой повести — индеец батрак А-ю. Через него и его историю показан писателем «молчаливую душу» народа, который «рос четыре тысячи лет в молчании, хирел и умирал, словно припадая огромным камнем на траву». Это был шаг величайшего мужества, шаг, продиктованный безграничной любовью к своему народу, той любовью, которая дает право и силы на самую страшную правду. Великий художник сделал в своей повести открытие огромного значения. Он нашел микроб, губящий душу народа, — ту «теорию моральной победы», которая стала называться «акьюизмом» и которая вынуждала китайскому труженику: на стороне угнетенного — «моральная победа». Сквозь покорность и приниженность А-ю Лу Синь разглядел и глубоко спрятанную в нем и вот-вот готовую вспыхнуть неосознанную тягу к революции. Писатель заставил верить в то, что, «ныне еще окруженный высокими стенами, китайский народ в скором будущем очнется, вырвется на свободу и заговорит».

В литературе «движения 4 мая» наряду с крестьянином появился и интеллигент того времени. В произведениях об интеллигенции проводится идея общечеловеческой ответственности, пока он ограничен призывом «идти в народ».

Романтизм писателя, характерный для литературной революции, нашел наиболее полное свое выражение в поэзии, и прежде всего в оптимистической поэзии Го Мо-жо. Мы находим здесь слияние гражданственности с лиризмом, поэт сливает светлое грядущее, еще не ясно видимое, но уже предчувствуемое им. Эта высокая поэзия, прозвучавшая как гимн рождению нового мира, и сама была новой по своей природе. Поэт вырвался из ставших уже тесными рамок традиционного китайского стихосложения, привлек в китайскую поэзию достижения западной лирики и выступил

с новыми стихами, революционными не только по содержанию, но и по форме. Литература «движения 4 мая» имела серьезные недостатки — она не смогла стать литературой по-настоящему массовой, часть литераторов чрезмерно поддавалась западным влияниям, что шло в ущерб особенностям китайского искусства. Однако же эта литература в лице лучших своих представителей создала прекрасные традиции — революционный реализм, непреклонный боевой дух, любовь к своей стране и народу, ненависть к угнетателям, глубокую убежденность в том, что главная миссия искусства заключается в служении народным массам.

Эти традиции развиваются и непрерывно обогащаются в наши дни. На их основе выросла литература социалистического реализма, расцветавшая после совещания по вопросам литературы и искусства в мае 1942 года в Яньани. Яньанское совещание на пути развития новой китайской литературы этап не меньшего значения, чем литературная революция 1919 года. Оно начинает новую литературу, воспевающую коллективный труд во имя победы революции, литературу, в которой героизм становится коммунизмом — руководителем народа. В работе 1940 года «О новой демократии» Мао Цзэ-дун, говоря о том, что прогресс, достигнутый Китаем за двадцать лет после «движения 4 мая», превосходит достижения нескольких предшествующих его десятилетий, восклицает: «Можно себе представить, какие успехи одержит Китай в последующие двадцать лет!». Успехи эти перед нашими глазами. Они в той массовой культурной революции, которую совершает китайское государство и весь трудовой народ после движения за правильный стиль в работе и борьбы с правыми буржуазными элементами. Вслед за подъемом социалистической экономики происходит небывалый подъем социалистической культуры. «Пусть расцветают сто цветов, пусть соревнуются сто школ» — этот курс в искусстве и науке, объявленный в 1956 году Коммунистической партией Китая и призывавший к свободной дискуссии различных школ, различных взглядов в науке, к свободному соревнованию различных форм, различных стилей в искусстве, дает огромные возможности развития социалистической литературы и искусства, социалистической науки.

Литература трудового подвига называли бы мы произведения последних нескольких лет — «В мирные дни» Ду Пан-чуня, «Сто раз закатается звезда А-ю», «Великие перемены» Чжоу Ли-бо, «Через тайгу и снежные равнины» Цюй Бо, многочисленные стихи и народные песни — произведения, отражающие героизм народа. И что замечательно — в них особенно сильна та национальная традиция, которая так недоставаля ряду произведений литературы «движения 4 мая».

Китайская литература существует несколько тысячелетий. Она знала не один золотой век своего расцвета. В «движении 4 мая» родилась новая китайская литература, воспринявшая драгоценное наследие и поднимающаяся на невиданные в прошлом вершины, литература, творимая народом и делающая народ главным своим героем.

Л. ЭЙДИН

Александр Михайлович Еголин

После продолжительной и тяжелой болезни скончался член-корреспондент Академии наук СССР, действительный член Академии педагогических наук РСФСР, доктор филологических наук, профессор Александр Михайлович Еголин.

А. М. Еголин родился в 1896 году. Вышел из рабочей семьи, он прошел большой путь от рабочего учителя средней школы до видного советского ученого. В 1925 году А. М. Еголин вступил в Коммунистическую партию Советского Союза, приняв деятельное участие в строительстве новой, социалистической культуры. В 1933 году он окончил Институт красной профессуры, в течение ряда лет заведовал кафедрой и был деканом в Институте истории, философии и литературы. В 1940—1948 годах А. М. Еголин находился на ответственной работе в ЦК КПСС, был редактором журнала «Звезда», позже работал директором Института мировой литературы имени Горького.

Широко образованный литературовед, член Союза писателей СССР, А. М. Еголин известен как автор крупных исследований по истории русской классической и современной литературы, как один из видных специалистов по изучению творчества Некрасова. Его исследования о

жизни и творчестве этого великого поэта русской революционной демократии сыграли положительную роль в развитии советской науки о литературе. А. М. Еголин много сил и внимания отдал подготовке молодых кадров литературоведов. Большой вклад он внес как редактор собраний сочинений классиков русской литературы.

Советское правительство высоко оценило общественное и научно-педагогическое деятельность А. М. Еголина, наградив его орденом Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями.

Светлый облик Александра Михайловича Еголина, ученого-коммуниста, надолго сохранится в памяти его товарищей.

Президиум Академии наук СССР, Союз писателей СССР, Президиум Академии педагогических наук РСФСР, Бюро Отделения литературы и языка Академии наук СССР, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, Московский Государственный педагогический институт имени В. И. Ленинского

Правление Союза писателей СССР и правление Союза писателей Армянской ССР с глубоким прискорбием извещают о смерти народного артиста СССР, выдающегося армянского драматурга, Вагарша Богдановича ВАГАРШЯНА, последовавшей 6 мая с. г. в Москве после тяжелой болезни, и выражают свое глубокое соболезнование семье покойного.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ, Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИЯ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.